

Департамент культуры Ярославской области

Государственное учреждение культуры
Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А.
Суркова»

Отдел психологической поддержки молодежи

РОЛЬ ЧТЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Методические рекомендации

для проведения занятий

с молодежной аудиторией

Часть 2

Ярославль
2022

ББК 78.073 + 88.41

Р 82

Роль чтения художественной литературы в формировании эмоционального интеллекта: методические рекомендации для проведения занятий с молодежной аудиторией / сост. А.В. Коломкина; отв. за вып. А.Н.Кармалита ; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А. А. Суркова», отдел психологической поддержки молодежи. – Ярославль, 2022. – 32 с.

© ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова», 2022

Отрывки из художественных произведений для обсуждения

Дина Рубина

«На солнечной стороне улицы»

Время прочтения: 7-8 мин.

«– Верка, жизнь-та какая пошла! Дороговизны-та какая! Сегодня на базаре пятнадцать рублей оставила, а спроси, что купила?»

– Денег, что ли, одолжить? – спросила Вера, ничего не понимая.

– При чем одолжить! – обиделась Фая. – Одолжить не к тебе пойду, ты сама бедная. Я с хорошим делом: на квартиру человека не пустишь?»

– А почему шепотом? – недоумевая, спросила Вера.

– Ты дура совсем, да? Зачем разглашать? Чтобы эта Когтева из шестой квартиры бумаги в ЖЭК писала? Скажешь – брат из Янгиюля приехал... Да ты не бойся, он калека, на костылях. Приставать не будет.

– А зачем мне все это?

Месяца три уже Вера жила одна, боясь поверить, что этот покой и простор – надолго, на целых пять лет; что мать не заявится, как обычно, после своих коммерческих экспедиций – с привычными угрозами, бранью, погоняловкой и мордобоем...

Вечерами она часто пропускала занятия в школе, могла часами лежать на диване, не зажигая света, перебирая лица, увиденные за день, за неделю, за эту осень. Размышлять о матери, о дяде Мише.

Сдать кому бы то ни было комнату, значило – впустить неизвестного человека в медленные текущие вечера при свете уличного фонаря за окном; значило

добровольно разрушить возведенные вокруг себя высокие светлые стены.

Она и потом будет так же вынашивать картины – сначала бесцельно кружа по дому, машинально касаясь рукой предметов, пробуя поверхность на ощупь, словно бы знакомясь с неведомым веществом мира, незнакомым составом глины... Наконец ложилась, заваливалась, как медведь в берлогу, закукливалась, как бабочка в коконе. Иногда, перед началом большой работы, лежала так, замерев, без еды, целые сутки... Как бы дремала... Если муж спрашивал ее: «Ты спишь?», – отвечала, не шевелясь, не открывая глаз: «Нет... работаю...»

А наутро взлетала – легкая, еще больше похудевшая, – принималась натягивать холст на подрамник.

– А двадцать рублей тебе валяются каждый месяц? – спросила Фая.

– На фиг, – кратко ответила девочка.

– Слушай, больного человека совсем не жалко, да? На костылях, калека... Из хорошей семьи человек, моей подруги племянник. Думаешь, безродный какой-нибудь? У них с отцом в Янгиюле домина в шесть комнат. А отец – ветеринар такой, что к нему со всех совхозов подарки возят на грузовиках. Грузовик дынь! – клянусь, сама видала, Цой послал, председатель колхоза «Политотдел». Герман Алексеич, он немец высланный, вдовец, культурный человек. И сын такой хороший мальчик, да вот, беда с ногами, с детства. Ему трудно в институт с Янгиюля добираться. Каждый день туда-сюда автобус, на костылях, а? Да еще эту возить – ящик этот, с красками...

– Этюдник? – встрепенулась Вера. – Он художник?

– Ну, а я что тебе говорю! – обрадовалась та. По всей видимости, она вовсе не рассчитывала на этот козырь, и за козырь его не держала, хоть и знала, что Вера рисует: карандашный набросок – вихрастая головка ее младшенького, Рашидика, – красовался у Фаи в кухне. – Он и тебя научит что-нибудь, а?

Художник-калека оказался здоровенным, былинно-русой красоты парнем, добрым молодцем из сказки, только роль борзого коня исполняли костыли – обжитые, обихоженные, с перемычками для ухвата, отполированными его мощными ладонями до блеска.

Стасик переболел полиомиелитом в детстве, так что отсутствие ног, вернее бестолковое их присутствие, его нисколько не смущало.

Он сразу заполнил всю квартиру – своим голосом, прокуренным шершавым баритоном, своими ящиками с краской, углем, сангиной; костылями, которыми владел виртуозно, и поэтому мог делать все без посторонней помощи, да так ловко, что куда там Вере. Впрочем, по истоптанному домашнему маршруту он способен был проковылять и так, в подмогу себе привлекая то спинку стула, то косяк двери, то близкую стенку.

Костыли же оказались совершенно одушевленными, и время от времени Вера натыкалась в разных углах квартиры на эту легкую танцевальную парочку, словно за ночь их туда приводило любопытство.

Она во все глаза глядела на этюдник, свою мечту, – до этого видела такой, дорогуший, в художественном салоне, – на самого Стасика, диковинного человека, которому все было любопытно, все нужно, и все – в охотку.

Он, как и его отец, принадлежал к типу людей, которые дружат с людьми, вещами, живыми существами, погодой и всем, что произрастает вокруг.

Любое действие у него превращалось в действо. Перестановка предметов на кухонном столе – в композицию. Стасик знал рецепты самых неожиданных блюд, вроде татарского чак-чака, варил лучший в мире кофе (действительно лучший; даже в Стамбуле, даже на Крите, где ее водили в специальные места – пробовать особенный кофе, она не пила лучшего, чем тот, что варил Стасик на газовой конфорке в их кухне); он по-особому заваривал зеленый чай, колдуя над нужной температурой воды, – при этом казалось, что старый чайник с надбитым носиком таинственным образом влюблен в его руки и тянется к ним, что пиала сама просится в его большую и удобную ладонь... Он знал, как отчистить старую замшу, высветлить темное серебро, отстирать любое пятно с материи; когда Вера заболела, он за два дня поднимал ее на ноги, заставляя дышать над кастрюлей с кипящим отваром каких-то незапоминаемых трав, безжалостно жестко растирая ей спину (боже, какая ты худющая!) остро пахнувшими и больно жалящими мазями... Сам не болел никогда: будто детская страшная болезнь, отобравшая у него ноги, исчерпала отпущенные на его жизнь недомогания.

...В первые дни она еще пыталась отгородиться от него в своей комнате, молча рисовала что-то в альбоме, прислушиваясь к голосу, напевающему, рассуждающему, — Стасик имел обыкновение спорить с невидимым собеседником, и вообще, в отличие от нее, оказался человеком звучащим и жаждущим звуков, самых разных... – хотя ей нестерпимо хотелось посмотреть, как он работает, потрогать тюбики с красками, пощупать щетину кистей.

Она боялась выдать себя, свое острое к нему любопытство. Но надо было знать Стасика – его просветительскую жажду и его страсть: затаскивать,

затягивать в свою душу и свои увлечения всякого, близко расположенного к нему человека.

Сначала он не мог разобраться в этой молчаливой сумрачной девочке. Он не понимал, чем она живет – тряпками вроде не интересовалась, телевизора в доме не было, подружки не приходили, радио не включалось. Вечерами, возвратившись с какой-то обувной фабрики, закрывалась в своей комнате и замирала там, будто засыпала. Ни шороха, ни стука. Бесшумное существо с острыми плечами и внимательными, испытующими глазами. Вот эти глаза и беспокоили Стасика: веки припухшие и мягкие, но серая радужка обведена четким кругом и черным гвоздиком вбит зрачок. Он знал такие взгляды – обращенные в себя и одновременно хищно выхватывающие из окружающего мира для своих каких-то нужд те таинственные блики, тени, чешуйки света, которые наполняют пространство и одушевляют его.

В этой девочке надо было разобраться.

И недели через две он не вытерпел: заложив закладкой страницу в альбоме «Русская живопись второй половины XIX – начала XX века», постучал в дверь Вериной комнаты.

Услышав стук, она закинула под подушку блокнот, в котором третий вечер рисовала римскую казнь: распятого бродягу на обочине Аппиевой дороги, вскочила и молча открыла дверь. Навалась подмышкой на костыль, Стасик держал перед ее носом раскрытый альбом.

– Это что? Быстро!

– «Бурлаки на Волге», Репин, – недоуменно бормотнула она.

– Так. Это?

– Ну, «Боярыня Морозова», Суриков...

– Хорошо. Это?

– Господи, да «Грачи прилетели», Саврасова... – уже обижаясь, буркнула она. — Ты мне еще плакат «Миру – мир!» загадай.

Он захохотал – сочно, раскатисто, словно в горле жил кто-то самостоятельный и слегка поддатый, и заорал:

– Все ясно! С тобой все ясно, молчальница! Показывай рисунки.

– Какие рисунки? – покраснев, буркнула она.

– Давай-давай, показывай. Нет, но какой я психолог, ядерен корень? Я все-о сразу просек!

Он плюхнулся на венский стул, отставил к стене костыли и серьезно уже, молча стал рассматривать ее, сваленные перед ним на полу, альбомы, блокноты и отдельные четвертушки ватмана, которые она утаскивала с уроков черчения в вечерней школе. Смотрел долго, то останавливаясь на каком-нибудь листе, то бегло проглядывая подряд несколько, тяжело сопел, словно физически работал, и раздраженно отмахивал свисающую на лоб пепельно-русую прядь.

Сидя на полу, сжав колени ледяными руками, Вера ждала приговора. Сердце напряглось и дрожало, но лицо казалось спокойным и даже скучающим. В том, что Стасик – наивысший суд, она не сомневалась ни минуты. Наконец он отложил последний альбом, насупился и с минуту разглядывал Веру так, как рассматривают со всех сторон вырезку, размышляя – что лучше из нее приготовить.

– Шутки в сторону, – наконец сказал он. – Дело плохо... – и заметив, как разом побелели скулы девочки: – Ничего не умеешь, ничего не знаешь, а времени осталось с гулькин нос, за полгода нужно подготовиться к училищу.

Вера перевела дыхание. Она ничего не поняла, но ясно было одно – ее помиловали, и жизнь продолжается. Главное же, произнесено слово из заоблачных сфер – широкое и сводчатое, как врата храма.

Она все еще не могла прийти в себя, чувствуя, как толчками бьется освобожденное сердце, а Стасик уже кричал откуда-то из кухни: – Где?! Что-нибудь! Есть что-нибудь в этом доме для натюрморта? – и что-то падало, звякало, стучала дверца буфета.

Наконец, после оголтелых поисков и тарарама, соорудили натюрморт: на табурете расстелили синюю Верину майку, установили горшок из-под засохшего цветка, два яблока и картофелину.

Стасик долго менял местами эти незамысловатые предметы, сопя и приговаривая: «А мы вас вот эдак... нет, балда, тебя мы вот сюда... а тебя во-о-от... сюда!» – Складывал ладонь трубочкой, смотрел в нее, отскакивая назад... Костыль поскрипывал и покряхтывал, как терпеливый и многострадальный старик. Вера, приоткрыв рот, не отрываясь, смотрела на действия Стасика.

– Завтра воскресенье... вот с утра и начнем, – сказал он наконец.

– Сейчас! – пробовала возразить она... – Только набросаю... контуром.

– Запомни, несчастная: его величество дневной свет! – весело и строго крикнул Стасик. – Раз и на всю жизнь вбей себе это в башку – живописи противопоказано электрическое освещение! Оно искажает цвет. Только дневной божеский свет! – костыль взмыл и ткнулся резиновым наконечником в сторону темного окна, – и никакого кроме... Твое настроение будет зависеть от погоды, привыкай к этому.

И еще, – он усмехнулся, – привыкай к одиночеству. Это надолго, на всю жизнь.

– Почему? – тихо удивилась Вера. Удивилась потому, что и раньше об этом догадывалась.

– Потому что, как всякий художник, ты будешь невыносима. Ты и так не сахар, а будет и хуже. Профессия эта не галантная, с годами вырабатывает тяжелый характер... думаешь и говоришь только о поздно.

Вера засмеялась с облегчением, и он ее понял. И сам расхохотался: – Правильно! Поздно!»¹

Вопросы для обсуждения:

- Как жилось Вере последние три месяца и почему она, даже за деньги, не хотела пускать к себе квартиранта?
- Почему согласилась? Что повлияло на это?
- Чем обусловлено затворничество Веры и избегание общения со Стасом? Что она чувствовала?
- Почему Вера пошла на контакт?
- Будет ли взаимопонимание в этой паре и почему?
- Что вы думаете о дальнейшем развитии их отношений?
- Захотелось ли вам узнать дальнейшую судьбу героев рассказа?
- Какие чувства испытывали вы, слушая рассказ?

Ричард Бах «Мост через вечность»

Время прочтения: 7-8 мин.

«После взлета она поддерживала со мной контакт по радио из автомобиля, пока ездила в город за продуктами и водой, всегда готовая подобрать меня и планер, если я

---

¹ Рубина Д. На солнечной стороне улицы / Дина Рубина. – Москва: Эксмо, 2011. – С. 54 – 59.

вынужден буду приземлиться за сотню миль в пустыне. Когда я приземлялся, она ждала меня с прохладительными напитками и помогала мне оттянуть планер на ночь под навес. Затем она превращалась в Мэри Кинозвезду, которая подавала ужин при свечах и слушала отчет о моих дневных приключениях.

Когда-то она говорила мне, что плохо переносит жару, но теперь, глядя на нее, нельзя было сказать этого. Она проработала, как пехотинец в пустыне, без отдыха подряд пять дней. Мы преуспевали в занятиях, и в этом была ее большая заслуга. Она так же хорошо справлялась с обязанностями наземного партнера, как и с любыми другими, которые соглашалась взять на себя.

Почему я избрал именно этот момент, чтобы отдалиться от нее? Сразу после того, как она встретила меня на земле, меня снова окружили мои стены. Я начал разговор с несколькими другими пилотами и не заметил, как ушла. Мне пришлось самому откатить аэроплан. Это была нелегкая работа на солнце, но мне облегчила ее моя злость в связи с ее уходом. Когда я вошел в трейлер, она лежала на полу, притворяясь уставшей.

– Привет, – сказал я, переводя дух после работы. – Благодарю за помощь.

Ответа не последовало.

– Это как раз то, что мне нужно после трудного полета.

Молчание. Она лежала на полу, отказываясь произнести хотя бы одно слово. Наверное, она заметила, что я сержусь на нее, прочла мои мысли вновь. Меня охватила ярость.

Как глупо играть в молчание, думал я. Если ее что-то беспокоит, если ей не нравится то, что я делаю, почему бы ей просто не подойти ко мне и не сказать прямо обо всем? Если она не хочет разговаривать – я тоже не буду.

Я переступил через ее тело на полу и включил кондиционер. Затем я растянулся на кровати, открыл ни к чему не обязывающую книгу и читал ее, думая, что для нас нет перспективы в будущем, если она будет продолжать в том же духе.

Через некоторое время она зашевелилась. Еще спустя несколько минут поднялась и, бесконечно уставшая, побрела в ванную. Я слышал, как насос накачивает воду. Она выливала ее, хотя знала, что мне пришлось тащить каждую каплю из города и вручную заполнять бак трейлера. Она хотела заставить меня поработать еще больше.

Шум вытекающей воды прекратился.

Я отложил книгу. Ее очарование, прелесть нашей жизни в пустыне – неужели все это разъедает кислота моего прошлого? Неужели я не могу научиться прощать ее грехи? Она меня неправильно поняла и обиделась. Я могу быть достаточно великодушным, чтобы простить ее, не правда ли?

Из ванной ничего не слышно: малышка, наверное, плачет.

Я прошел по узкому коридорчику и постучал в дверь дважды.

– Мне жаль, вуки, – сказал я, – я прощаю тебя.

– ЧЧЧТТТТОООО-О-О!!! – Завопил зверь внутри. Бутылка разлетелась от ударов о деревянные стены; пузырьки, зубные щетки, расчески с силой разлетались в стороны.

– ТЫ, ПРОКЛЯТЫЙ (ХРЯС!) ИДИОТ! Я (ШЛЕП!) НЕНАВИЖУ ТЕБЯ! ЧТОБ Я ТЕБЯ БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА! Я ЛЕЖУ (ШМЯК!) НА ПОЛУ, ОН, ПРОКЛЯТЬЕ, ПРОХОДИТ МИМО. Я ЧУТЬ НЕ УМЕРЛА ОТ ТЕПЛОВОГО УДАРА, РАБОТАЯ С ТВОИМ ДУРАЦКИМ ПЛАНЕРОМ! А ТЫ

ОСТАВИЛ МЕНЯ ЛЕЖАТЬ НА ПОЛУ, А САМ ЧИТАЛ КНИГУ! ЕСЛИ БЫ Я УМЕРЛА, ТЫ БЫ ДАЖЕ НЕ ЗАМЕТИЛ! (ШЛЕП!) ЛАДНО! МНЕ ТОЖЕ НАПЛЕВАТЬ НА ТЕБЯ РИЧАРД ИДИОТСКИЙ БАХ!! ПРОВАЛИВАЙ, ИДИ К ЧЕРТЯМ ОТСЮДА. Я ХОЧУ БЫТЬ САМА! ТЫ СЕБЯЛЮБИВАЯ СВИНЬЯ! (ХРЯСЬ!)

Никогда: никто; за всю; мою; жизнь; не; говорил; так; со; мной. И никогда я не видел, чтобы кто-нибудь поступал так. Она ломала все, там внутри!

Исполненный отвращения и ярости, я выскочил из трейлера, хлопнув дверью, и подбежал к Майерсу, стоящему на солнце. Жара была беспощадной, как потревоженные муравьи; но я едва ли заметил ее. Что с ней случилось? И ради нее я отказался от своей Совершенной Женщины! Какой я дурак!

Когда я странствовал, я очень просто излечивался от толпофобии: сразу же покидал ее, улетал и оставался наедине с собой. Это было таким эффективным средством, что я стал его использовать и против личнофобии, от которой оно излечивало так же хорошо. Как только кто-то переставал мне нравиться, я покидал его, и впоследствии больше не думал о нем. В большинстве случаев этот метод выручал меня – уход был, быстродействующим средством против всех, кто досаждал мне. Исключением, конечно, в одном случае из двух миллиардов был случай, когда тебе причиняет боль твоя родная душа.

Я чувствовал себя будто вздернутым на дыбу. Мне хотелось бежать, бежать, бежать. Прыгай в аэроплан, заведи мотор, не обращай внимания ни на что, просто взлетай, поворачивайся носом в любом направлении, дави до упора на газ и ПОШЕЛ! Приземлись где-нибудь,

где нужно, заправляйся топливом, снова заводи мотор, взлетай и ПОШЕЛ!

Никто не имеет права кричать на меня! Ты можешь кричать на меня только один раз. И никогда больше ты не получишь возможности делать это, потому что я сразу и навсегда уйду. Хлопнуть дверью, уйти – и все кончено!

И вот я стоял, уже касаясь пальцами блестящей ручки дверцы кабины самолета. Но на этот раз мой ум не позволил мне бежать. Мой ум кивал мне: да, да: она рассердилась на меня. У нее есть причины, чтобы сердиться на меня. Я снова сделал что-то, не подумав. Я отправился в пустыню, пошел, чтобы остудить свой гнев, свою обиду.

Это одно из моих испытаний. Я докажу себе, что могу учиться, если не убегу. В действительности у нас нет проблем. Она просто чуть-чуть: более эмоциональна, чем я.

Некоторое время я шел, до тех пор, пока не вспомнил, как изучал на занятиях по гражданской обороне, что человек может умереть, если слишком долго будет находиться на солнце. Может быть, она была на солнце слишком долго? А упала на пол не назло, а от жары?

Гнев и обида исчезли. Если потеряла сознание от жары, а я считал, что она притворяется! Ричард, кто бы мог подумать, что ты окажешься таким дураком? Я быстро направился назад к трейлеру. По пути я увидел пустынный цветок, не похожий на те, что мы видели раньше, быстро выкопал его из песка и завернул в страницу из своего блокнота.

Когда я вошел, она лежала на кровати и плакала.

– Мне очень жаль, вуки, – сказал я спокойно, поглаживая ее волосы. – Мне очень жаль. Я не знал, что...

Она не отвечала.

– Я нашел цветок: Я принес тебе цветок из пустыни. Как ты думаешь, он хочет воды?

Она села, вытерла слезы и грустно посмотрела на маленькое растение.

– Да. Он хочет воды.

Я принес чашку, чтобы посадить его, и стакан воды, чтобы напоить его.

– Спасибо тебе за этот цветок, – сказала она через некоторое время. – Спасибо за то, что ты извинился. И еще, Ричард, постарайся запомнить: если ты хочешь, чтобы кто-то остался в твоей жизни – никогда не относись к нему равнодушно!

Поздно во второй половине дня в пятницу она приземлилась, счастливая после полета. Она сияла и была прекрасна; она находилась в воздухе больше трех часов и села не потому, что не смогла найти восходящий поток, а потому, что планер был нужен другому пилоту. Она поцеловала меня, довольная и голодная, рассказывая мне, чему научилась».²

Вопросы для обсуждения:

- Какие чувства испытал главный герой во время ссоры?
- А главная героиня?
- Было ли что-либо похожее в вашей жизни?
- Как вы относитесь к гневу у себя? А у других?
- Какой привычный способ реагирования выбрал главный герой, чтобы остудить эмоции?
- Возможны ли дальнейшие отношения между любящими людьми после подобной ссоры?
- Понравился ли вам способ примирения?
- Как бы вы повели себя на месте героев?

---

² Бах Р. Мост через вечность / Ричард Бах. – Киев: София, 1999. – С. 245 – 249.

- Какова дальнейшая судьба этих отношений?
- Захотелось ли вам узнать, как развивались их отношения дальше?
- Что вы чувствовали, когда слушали этот отрывок?

Евгений Водолазкин
«Авиатор»

Время прочтения: 4-5 мин.

«Наши ночные беседы с Анастасией продолжались. Мы сидели на табуретках – иногда друг против друга, но чаще рядом, прислонясь к стене или шкафчику. Когда сидели рядом, руки наши соприкасались, и я ощущал ее тепло. Что-то большее, чем тепло, – электричество. Мы оба его чувствовали. Я боялся, что между нами начнут проскакивать искры.

Внизу, за окном, были слышны поздние экипажи, их тихое движение успокаивало. Я научился различать прямое их следование по проспекту и проезд с поворотом на Зверинскую. Время от времени спокойствие ночи разрывал треск автомобилей, и мы боялись, что он разбудит спящих в квартире. Он и будил. Спящие, шаркая, добирались до туалета. Спустив с грохотом воду, останавливались в дверях кухни и подслеповато рассматривали нас. Ничего не говорили.

Как-то раз, когда у Анастасии была инфлюэнца, она осталась дома одна. Все ушли по делам – все, кроме меня, потому что не было у меня дел важнее Анастасии. Я стоял под ее дверью и слышал, как бьется мое сердце. Постучав, вошел. Анастасия лежала в постели. Когда подошел, увидел, что нос и веки припухли и покраснели. Как после слез.

– Не приближайтесь, – сказала простуженно, – заразитесь.

Приблизился. Осторожно сел на край кровати.

– И замечательно. Вдвоем ведь приятней болеть.

– Ничего приятного, – она кивнула на лежащую поверх одеяла книгу. – Я даже читать не могу.

Она хотела сесть, но я удержал – положил на ее плечо ладонь. Четыре пальца легли на ночную рубашку, а пятый, самый ловкий, оказался за границей ворота. Мизинец. Касался ее кожи. В него переместились все мои органы чувств, и я стал одним сплошным мизинцем.

– Лежите... – я нашел в себе силы отдернуть руку. – Хотите, я вам почитаю? В детстве, когда я болел, мне всегда читали.

Анастасия смотрела на меня с любопытством. Дышала ртом. Отложила свою книгу.

– Тогда почитайте мне то, что читали вам.

Я сходил в свою комнату и принес то, что читали мне. Читая, нащупал на одеяле пальцы Анастасии. Не отрывал глаз от книги. Спросил:

– Можно, я буду держать вашу руку? Через нее я буду вытягивать вашу болезнь.

В ответ почувствовал легкое пожатие. Снова взялся за чтение. Прочитывая фразу за фразой, думал о том, что, оказывается, еще никогда никому не читал вслух. На описании страха Робинзона заболеть я взглянул на Анастасию. Она лежала с закрытыми глазами, и было неясно, всё еще слушает она меня или спит.

Слушала. Погладила мою руку и сказала:

– Сидеть неудобно – устает спина. Ложитесь рядом поверх одеяла.

И помолчав:

– Пожалуйста...

Это пожалуйста меня едва не расплющило. В горле возник комок, и голос исчез. Заскрипела кровать, когда я сбрасывал тапки и ложился, – так могли бы скрипеть мои застывшие суставы. А потом голос вернулся, и я

снова стал читать. Придвинувшись поближе, Анастасия положила мне руку на грудь. Шеей я чувствовал ее горячее дыхание. Когда дыхание стало ритмичным, я посмотрел на нее – она спала. Мне стало радостно и спокойно. Я долго лежал рядом, а встал лишь тогда, когда услышал повороты ключа в двери. Поцеловал Анастасию в горячий лоб и вышел.

Через пару дней я тоже заболел. Чувствуя, как с каждым часом воспаление расползается по горлу, испытывал счастье. У нас с Анастасией была одна болезнь на двоих. Теперь уже Анастасия приходила ко мне и, лежа рядом, читала мне вслух. Мы понимали, что происходящее между нами несколько вышло за рамки ухода за больным, но не говорили об этом и не пытались это назвать. Назовешь – спугнешь. Определишь – разрушишь. А нам хотелось сохранить».³

Вопросы для обсуждения:

- По вашему мнению, в какое время живут главные герои?
- Возможны ли такие отношения в наше время?
- Что чувствовали герои?
- Хотели бы вы пережить подобное состояние влюбленности?
- Почему нужно бережно относиться к таким чувствам?
- Как будут складываться их дальнейшие отношения?
- Какие чувства вызвал у вас этот отрывок?

Джон Грин
«Пусть идет снег»

Время прочтения : 5-6 мин.

---

³ Водолазкин Е. Авиатор / Евгений Водолазкин. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 84 – 86.

«Во второй раз мы играли по правилам, которые придумали сами, и нам так гораздо больше понравилось. Со Стюартом мне было хорошо – так хорошо, что я даже (почти) не заметила, что время идет, а Ной мне не звонит. Когда телефон зазвонил, я вздрогнула. Стюарт пошел в кухню, поднял трубку, послушал и передал ее мне со странным, немного недовольным выражением лица.

– Кто это был? – услышала я голос Ноя.

– Это Стюарт. Я у него дома.

– Ты же говорила, что едешь во Флориду?

Из трубки слышались музыка и разговоры гостей. Рождественский праздник шел своим чередом.

– Мой поезд застрял, – сказала я. – Мы врезались в сугроб. Я сошла с поезда, дошла до «Вафельной» и...

– Почему ты сошла с поезда?

– Из-за черлидерш, – вздохнула я.

– Черлидерш?

– Неважно. В общем, я познакомилась с парнем по имени Стюарт и сейчас у него дома. По пути сюда мы провалились под лед на ручье. Я в порядке, но...

– Ого, – удивился Ной. – Как все сложно. – Ну наконец-то. Он понял. – Слушай, – сказал он. – Нам нужно навестить соседей. Я тебе через час перезвоню, и ты мне все расскажешь, ладно?

Я была так ошарашена, что даже отнесла телефон от уха.

– Ной, – сказала я, снова поднеся трубку к уху. – Ты меня слышал?

– Слышал. Ты мне все расскажешь потом. Мы ненадолго, на час-два.

И он снова положил трубку.

– Быстро вы, – сказал Стюарт, снова появляясь на кухне. Он налил воду в электрический чайник и включил его. – Ной ушел по делам, – нехотя ответила я.

– И поэтому он бросил трубку? Но это же глупо.

– Почему?

– Ну, не знаю. Я бы волновался, переживал. Я вечно переживаю.

– Что-то не похоже. С виду ты счастлив, – проворчала я.

– Можно переживать и одновременно быть счастливым. Я и сейчас волнуюсь.

– Насчет чего?

– Ну, эта метель, – сказал он, показывая пальцем в окно. – Мою машину занесло, и я волнуюсь, как бы ее не расплющил снегоочиститель.

– Очень умно, – сказала я.

– А что еще я должен был сказать?

– Да нет, ничего такого, – ответила я. – Но вдруг эта метель – признак перемены климата? Вдруг люди из-за нее не могут добраться до больницы?

– Так сказал бы Ной?

Я вовсе не обрадовалась внезапному упоминанию о моем бойфренде. Не то чтобы Стюарт ошибался. Наоборот, он попал в точку, и мне даже стало жутко. Именно так Ной и сказал бы.

– Ты задала мне вопрос, и я тебе ответил. Можно я скажу тебе кое-что неприятное?

– Нет.

– Он тебя бросит.

Как только он это сказал, кто-то словно кулаком под дых меня ударил.

– Извини, я просто пытаюсь помочь, – продолжил Стюарт, наблюдая за выражением моего лица. – Но он правда тебя бросит.

Стюарт еще не договорил, а я уже знала, что он коснулся чего-то ужасного, того, что, наверное... наверное, было правдой. Ной избегал меня, как избегают неприятного. Вот только это было не в его стиле. Ной не избегал неприятностей – он с ними справлялся. Он избегал меня одну. Безупречный, всеми любимый, прекрасный Ной отталкивал меня от себя. Осознавать это было больно. Я бы была зла на Стюарта за то, что он сказал, и хотела, чтобы он знал об этом

– Ты так говоришь из-за Хлои? – спросила я.

Это сработало. Стюарт запрокинул голову и поскрипел зубами.

– Дай угадаю, – сказал он. – Моя мама тебе все рассказала.

– Она мне ничего не говорила.

– Хлоя тут ни при чем, – сказал он.

– Да что ты говоришь! – ответила я.

Я понятия не имела, что произошло между Стюартом и Хлоей, но отреагировал на мои слова он именно так, как я хотела.

Стюарт встал и показался мне невероятно высоким.

– Хлоя тут ни при чем, – повторил он. – Хочешь узнать, откуда я знаю, что будет?

На самом деле, нет. Я не хотела этого знать. Но Стюарт мне все равно сказал:

– Во-первых, он избегает тебя в Рождество. Знаешь, кто так делает? Люди, которые собираются кого-то бросить. Знаешь почему? Потому что важные даты вгоняют их в панику. Праздники, дни рождения, годовщины... в эти дни они чувствуют себя виноватыми, а им этого не нужно.

– Он просто занят, – слабым голосом сказала я. – У него много дел.

– Ну, если бы у меня была девушка и ее родителей арестовали бы в Рождество, а потом ей пришлось бы долго ехать на поезде в такую метель... я бы весь вечер телефон из рук не выпускал. И отвечал бы. После первого же звонка. Каждый раз. И сам бы звонил ей, чтобы узнать, как она...

Я так опешила, что потеряла дар речи. Он был прав. Именно так Ной и должен был поступить.

– К тому же ты только что сказала ему, что оказалась в чужом городе и провалилась под лед на ручье. И он повесил трубку? Я бы на его месте что-нибудь сделал. Я бы приехал сюда, несмотря ни на какой снег. Может, глупо звучит, но это правда. Хочешь, дам тебе совет? Если он сам от тебя не уйдет, бросай его к черту.

Стюарт произнес это быстро и горячо, как будто какая-то буря подняла эти слова на поверхность из глубины его души. Но это прозвучало серьезно и... трогательно. Потому что он сказал то, что думал. Он сказал то, что я хотела бы услышать от Ноя. Но потом ему, кажется, стало стыдно, потому что он принялся раскачиваться взад-вперед, выжидая, что я оправлюсь от шока, нанесенного его словами. Мне потребовалось минуты две, чтобы найти в себе силы заговорить.

– Мне нужно на минутку отлучиться, – наконец сказала я. – Куда здесь... можно пойти?

– В мою комнату, – предложил он. – Вторая дверь налево. Там, конечно, жуткий бардак, но...

Я встала и вышла из-за стола».⁴

Вопросы для обсуждения:

- Что произошло с главной героиней?

---

⁴ Грин Д. Пусть идет снег / Джон Грин. – Москва: Like Book, 2022; То же [Электронный ресурс]. - <https://knijky.ru/books/pust-idet-sneg> - С. 29 – 31. (12.12.2022)

- Как повел себя Ной?
- Как бы вы почувствовали себя на месте девушки?
- Почему новый знакомый Стюарт уверен, что Ной бросит главную героиню?
- Какие чувства переживают герои?
- Кто из них лучше всех понимает происходящее?
- Интересно ли вам, что будет с героями дальше?
- Можете ли вы предсказать дальнейшее развитие событий?
- Какие чувства вы испытывали, слушая этот рассказ?

Р. Дж. Паласио

«Чудо»

Время прочтения: 5-6 мин.

«Вечером я отрезал свою косичку. Первым заметил папа.

– О, наконец-то, – сказал он. – Мне она никогда не нравилась.

Зато Вия кипятилась и никак не могла успокоиться:

– Ты же растил ее несколько лет! Почему ты ее отстриг?!

– Сам не знаю, – ответил я.

– Кто-то над тобой смеялся?

– Нет.

– Ты сказал Кристоферу, что собираешься ее отрезать?

– Мы же с ним больше не дружим.

– Не выдумывай! Не могу поверить, что ты вот просто так взял ее и откромсал! – И Вия вылетела из моей комнаты, хлопнув дверью.

Когда вечером папа зашел пожелать мне спокойной ночи, мы с Дейзи лежали на кровати, свернувшись калачиком. Папа слегка подвинул Дейзи и прилег рядом со мной на одеяло.

– Ну, Ав-Гав, – сказал он. – Так что у тебя был сегодня за денек: что надо или что не надо?

Между прочим, вопрос про денек папа не сам придумал, а взял из старого мультика о таксе по имени Ав-Гав. Одно время, мне тогда было года четыре, мы часто его смотрели — особенно в больнице. С тех пор папа иногда звал меня Ав-Гав, а я его — «дорогим папашей», как щенок-такса звал своего папу в мультике.

– Что надо, – кивнул я.

– Ты весь вечер молчал.

– Устал.

– Много всего сразу, да?

Я кивнул.

– Но все правда прошло нормально?

Я снова кивнул. Он тоже замолчал, поэтому спустя несколько секунд я сказал:

– Даже лучше, чем нормально.

Папа поцеловал меня в лоб.

– Как я рад, Ави. Похоже, со школой мама все-таки неплохо придумала.

– Да. Но я ведь могу ее бросить, если захочу, да?

– Конечно, мы же договорились, – ответил он. – Хотя зависит от того, почему ты решишь бросить. Обещай, что, если в школе у тебя начнутся какие-то неприятности, ты нам обязательно все расскажешь.

– Угу.

– А могу я у тебя кое-что спросить? Ты что, злишься на маму? Весь вечер на нее вроде как дуешься. Послушай, Ави, в том, что ты пошел в школу, я виноват точно так же, как и она.

– Нет, она больше виновата. Это же ее идея. Тут раздался стук в дверь и в комнату заглянула мама. Вид у нее был немного смущенный.

– Просто хотела пожелать спокойной ночи.

– Привет, мамаша, – сказал папа и помахал ей моей рукой.

Мама присела на край кровати рядом с Дейзи.

– Ты, говорят, отрезал косичку.

– Подумаешь, невелика беда, – ответил я.

– А я и не говорю, что беда.

– Уложишь Ави? – сказал папа маме. – У меня срочная работа. Спокойной ночи, сын, мой сын. – Это была еще одна часть Ав-Гав-ритуала, но отвечать «Спокойной ночи, дорогой папаша» мне что-то не хотелось.

Папа встал с кровати.

– Я очень тобой горжусь.

Мама и папа всегда укладывали меня по очереди. Знаю, обычно укладывают только малышей, а десятилетние дети засыпают сами, без родителей, но так уж у нас повелось.

Мама устроилась рядом со мной и попросила папу:

– Заглянешь к Вие?

Он обернулся:

– А что с Вией не так?

Мама пожала плечами.

– Она говорит, все в порядке. Но первый день в новой школе, сам понимаешь.

– Хм-м, – сказал папа, а потом подмигнул мне. – Всегда с вами, дети, что-то не так.

– Да, не соскучишься, – согласилась мама.

– Не соскучишься, – повторил папа. – Спокойной ночи.

Он закрыл за собой дверь, и мама достала книгу, которую читала мне последнюю пару недель. Я обрадовался, потому что жутко боялся, что она захочет «поговорить», а у меня совсем не было настроения разговаривать. Но и у мамы, кажется, тоже. Она просто листала страницы – искала место, где мы остановились. Мы прочитали уже почти половину «Хоббита».

«Стойте! Перестаньте!» – закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны. Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно еще усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был все тот же».

Не знаю почему, но я вдруг расплакался. Мама отложила книгу и обняла меня. Похоже, она ничуть не удивилась.

– Все хорошо, – шептала она на ухо. – Все будет хорошо.

– Прости, – выдавил я между всхлипываниями.

– Тс-с-с. – Она вытерла мне слезы. – Ты ни в чем не виноват...

– Мамочка, ну почему я такой урод? – прошептал я.

– Нет, малыш, ты не...

– Я знаю, что я урод.

Она расцеловала мне все лицо. Она целовала мои перекошенные, будто сползшие вниз глаза. Целовала мои вдавленные внутрь щеки. Целовала мой черепаший рот.

Она говорила мне ласковые слова и пыталась меня утешить. Но я-то знаю, словами лицо не изменишь».⁵

Вопросы для обсуждения:

- Какие чувства испытывают родители маленького мальчика после его первого дня в школе?
- Как проявляет интерес папа?
- Как ведет себя мама?
- Как вы можете охарактеризовать атмосферу в семье? Является ли она поддерживающей?

---

⁵ Паласио Р. Чудо / Р. Дж. Паласио. – Москва: Розовый жираф, 2021.; То же [Электронный ресурс]. - <https://mybook.ru/author/r-palacio/chudo-13/read/> С. 5 – 6. (12.12.2022)

- Как бы вы хотели поддержать героя?
- Можете ли вы предсказать дальнейшее развитие событий?
- Что вы чувствовали, когда слушали этот отрывок?

О. Генри

«Дары волхвов»

Время прочтения: 6-7 мин.

«Дверь открылась, пропустила вперед Джима и закрылась. Джим выглядел похудевшим и очень серьезным. Бедный мальчик! Всего только двадцать два года, а уже обременен семьей! Ему необходимо было новое пальто. Перчаток у него тоже не было.

Он остановился у дверей, точно сеттер, внезапно почувывая куропатку. Джим устремил пристальный взор на Деллу, и как Делла ни старалась, она никак не могла прочесть это выражение. Она испугалась насмерть. Во взгляде Джима не было ни гнева, ни удивления, ни порицания, ни ужаса — словом, ни единого из тех чувств, которых ждала Делла. Он просто стоял против нее и не отрывал от ее головы какого-то странного, незнакомого, необычайного взгляда.

Делла выскочила из-за стола и побежала к нему.

– Джим, дорогой мой! – взмолилась она. – Ради всего святого, не гляди на меня так! Я срезала волосы и продала их потому только, что не могла встретить Рождество без того, чтобы не купить тебе подарка! Они у меня опять отрастут! Ради бога, не волнуйся: увидишь, что они отрастут! Ничего другого я не могла сделать! А что касается волос, то они растут так быстро... даже чересчур быстро. Ну, Джим, скажи мне: «Счастливого Рождества!» – и будем веселиться! Ах, если бы ты только знал, какой замечательный, какой чудесный подарок я приготовила тебе!

– Значит, ты остригла волосы? – спросил Джим с таким видом, точно после самой напряженной работы ума не мог все-таки уразуметь такой простой и очевидный факт.

– Да, остригла и продала их! – ответила Делла. – Разве же ты из-за этого не так любишь меня, как раньше? Ведь, хоть и без волос, я осталась та же самая и такая же самая!

Джим оглядел всю комнату.

– Итак, ты говоришь, что твоих волос уже больше нет? – снова, почти с идиотским видом спросил он.

– Напрасно ты ищешь их здесь! – сказала Делла. – Ведь я же ясно говорю тебе, что я продала их! Сегодня – сочельник! Пойми же это, дорогой, и будь ласков со мной, потому что я сделала это только для тебя! Очень может быть, что мои волосы уже разделены и рассчитаны, – продолжала она с серьезной нежностью, – но нет на свете такого человека, который бы мог подсчитать мою любовь к тебе!.. Джим, жарить котлеты?

Казалось, Джим вышел, наконец, из состояния столбняка и крепко прижал к своей груди Деллу. Очень прошу вас, бросьте на десять секунд ваш внимательный взор на какой-нибудь другой предмет в комнате. Восемь долларов в неделю или миллион в год — какое значение это имеет? Математик или остряк дадут вам совершенно неправильный ответ. Волхвы принесли в свое время очень ценные дары, но и среди тех даров не было подобного этому. Это туманное утверждение разъяснится впоследствии.

Джим вынул из своего кармана какой-то пакет и бросил его на стол.

– Делла, – сказал он, – я не хочу, чтобы ты ложно истолковала мое поведение. Меня совершенно не

волнует, что ты сделала со своими волосами: остригла ли ты их, побрила ли или просто-напросто помыла шампунем. Из-за такой мелочи я не стану меньше любить мою дорогую девочку. Но если ты потрудишься и развернешь этот сверток, то сразу поймешь, почему я в первую минуту так вел себя.

Белые проворные пальцы очень живо справились с веревочкой и бумагой. И тотчас же раздался восторженный крик радости, который – уввы! – слишком скоро и чисто по-женски сменился истерическими слезами и воплями, потребовавшими от хозяина квартиры, чтобы он немедленно пустил в ход все имеющиеся в его распоряжении успокоительные средства. Потому что на столе лежали гребни – целый набор боковых и задних гребней, которыми Делла уже очень давно любовалась, видя их часто на одной из витрин на Бродвее. Это были великолепные гребни, настоящие черепаховые, с блестящими украшениями по бокам, вполне подходящие для таких же великолепных, но, к сожалению, остриженных волос Деллы. Это были очень дорогие гребни. Делла прекрасно знала это, и сердечко ее долго и страстно рвалось к ним без малейшей надежды на то, что она когда-нибудь в сей жизни будет обладать ими. И вот сейчас они лежат перед ней, однако уже нет волос, которые эти желанные гребни должны были украшать...

Но она прижала их к своей груди и, наконец, собралась с силами, подняла головку, поглядела на них затуманенными глазами и с улыбкой сказала:

– Джим, у меня страшно быстро растут волосы!

И тут же на месте подскочила, как кошка, и закричала на всю комнату:

– О! О!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка! Она порывисто протянула ему этот подарок на своей раскрытой ладони. Казалось, что на тусклый драгоценный металл упало сияние ее яркого и страстного духа.

– Ну, Джим, разве не прелесть? Имей в виду, что я перерыла буквально весь город. Теперь ты сможешь вынимать их сто раз в день. Дай-ка сюда часы! Я хочу посмотреть, как они выглядят с цепочкой!

Но вместо того чтобы исполнить приказание, Джим опустился на софу, заложил руки за голову и улыбнулся.

– Знаешь, что, Делла, я скажу тебе, – промолвил он, – я предложил бы на время отложить наши подарки в сторону. Для настоящего момента они слишком хороши. Я продал часы, чтобы купить тебе гребни. А теперь, дорогая моя, время жарить котлеты.

Как вам известно, волхвы, принесшие подарки младенцу в яслях, были умные, чрезвычайно умные люди. Это они придумали обычай дарить рождественские подарки».⁶

Вопросы для обсуждения:

- Что почувствовали вы, когда прослушали этот отрывок?
- А что подумали?
- Почему главные герои так старались с выбором подарков друг для друга?
- Какие чувства испытал Джим, когда увидел, что его старания порадовать подарком свою любимую - рухнули?

---

⁶ О. Генри. Дары волхвов // О. Генри. Вождь краснокожих: новеллы. – Москва: Дет. лит., 2018. – С. 21 - 24.

- Можно ли назвать Джима и Деллу счастливыми, несмотря ни на что?
- Почему ни Джим ни Делла не расстроились?
- Как вы думаете, как сложится их дальнейшая судьба?
- Хотели бы вы таких отношений?

Список литературы

1. Бах Р. Мост через вечность / Ричард Бах. – Киев: София, 1999. – 368 с.
2. Водолазкин Е. Авиатор / Евгений Водолазкин. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 416 с.
3. Грин Д. Пусть идет снег / Джон Грин. – Москва: Like Book, 2022. – 352 с. То же [Электронный ресурс]. – <https://knijky.ru/books/pust-idet-sneg> – С. 29 – 31. (12.12.2022)
4. О. Генри. Дары волхвов // О. Генри. Вождь краснокожих: новеллы. – Москва: Дет. лит., 2018. – С. 16 – 24.
5. Паласио Р. Чудо / Р. Дж. Паласио. – Москва: Розовый жираф, 2021. – 408 с. То же [Электронный ресурс]. – <https://mybook.ru/author/r-palacio/chudo-13/read/> – С. 5 – 6. (12.12.2022)
6. Рубина Д. На солнечной стороне улицы / Дина Рубина. – Москва: Эксмо, 2011. – 384 с.

Роль чтения художественной
литературы в формировании
эмоционального интеллекта

методические рекомендации
для проведения занятий
с молодежной аудиторией

Часть 2

составитель А.В. Коломкина
ответственный за выпуск А.Н. Кармалита

ГУК ЯО «Областная юношеская
библиотека им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль,
Московский проспект, 147